

Русский биографический словарь

Том 20

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Р89

Р89 Русский биографический словарь: Том 20 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 602 с.

ISBN 978-5-458-16974-5

Русский биографический словарь (в 25-ти томах) издавался Императорским Русским историческим обществом под наблюдением его председателя А.А.Половцева с 1896 г. по 1918 г. Считается одним из самых авторитетных русских биографических источников конца XIX - начала XX веков. Том 20. Суворова - Ткачев.

ISBN 978-5-458-16974-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ственно послѣ тоста за новаго командующаго, всталъ С. и въ присутствіи Паскевича произнесъ сочувственный спичъ въ честь опальнаго Ермолова. Какихъ-либо дурныхъ послѣдствій для С. инцидентъ этотъ не имѣлъ, но онъ характеризуетъ его прямоту и откровенность, независимо отъ того, нравится или нѣтъ высказываемое высокопоставленнымъ лицамъ. За персидскую кампанію, въ теченіе которой С. проявилъ неоднократно «личное мужество и выдающуюся храбрость и постоянно исполнялъ подъ огнемъ въ траншеяхъ приказаніе главнокомандующаго», онъ былъ произведенъ въ поручики и награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ и золотой шпагой надписью съ «За храбрость».

По окончаніи этой кампаніи С. уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ 2 февраля 1828 г. былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ государю. Когда начались военныя дѣйствія противъ Турціи, онъ сопровождалъ государя въ дѣйствующую армію какъ флигель-адъютантъ, сдѣлался весьма близкимъ къ нему лицомъ, почти неотлучно находился при немъ въ теченіе перваго періода войны, сопровождалъ его при осмотрахъ, перѣздахъ и пр. Однако въ то же время С. не упускалъ случая, чтобы принять и активное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ; онъ находился въ рядахъ сражавшихся подъ Шумлой и въ числѣ осаждавшихъ Варну, былъ въ дѣлѣ подъ Сатуновымъ, при занятіи крѣпости Исакча и въ сраженіи при Буланлыкъ, наконецъ, ему лично сдалась небольшая крѣпость Матчинъ. «За боевыя отличія и толковое исполненіе» иногда весьма важныхъ порученій государя въ этой кампаніи С. былъ произведенъ въ штабсъ-ротмистры, награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст. и удостоенъ Высочайшаго благоволенія. Вскорѣ послѣ паденія Варны онъ сопровождалъ Императора на кораблѣ «Парижъ» при возвращеніи въ Россію.

Въ Петербургѣ С. временно былъ прикомандированъ къ лейбъ-гвардіи Конному полку для изученія строевой службы. Въ 1830 г. онъ женился, и по этому случаю ему въ знакъ благоволенія къ нему государя было пожаловано изъ государственнаго казначейства 100.000 руб. единовременно и по 25.000 руб. ежегодной пенсіи. Въ 1831 г. вспыхнуло возстаніе въ Польшѣ,

и С. вновь вступилъ въ дѣйствующую армію. Состоя при квартирѣ главной арміи, онъ вмѣстѣ съ послѣдней совершилъ движеніе черезъ Ловичъ на Варшаву, съ отличіемъ участвовалъ въ рядѣ дѣлъ, въ томъ числѣ при штурмѣ и взятіи варшавскихъ передовыхъ укрѣпленій и главнаго вала, причемъ былъ отправленъ парламентаріемъ по поводу сдачи, а затѣмъ ѣздилъ съ донесеніемъ о побѣдахъ къ Императору. Произведенный за отличія въ польской войнѣ въ полковники, онъ остался въ Петербургѣ и «для ознакомленія съ цѣхотной службой» вступилъ въ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, въ которомъ командовалъ баталіономъ и прослужилъ до конца 1832 г. Послѣ этого, состоя при особѣ государя, онъ исполнялъ многія его порученія, — на примѣръ, по рожденіи великаго князя Михаила Николаевича ѣздилъ къ прусскому королю съ извѣщеніемъ объ этомъ. 26 марта 1839 г. С. былъ назначенъ командиромъ Фанагорійскаго гренадерскаго полка, въ рядахъ котораго числился съ самаго рожденія, а 9 августа того же года получилъ чинъ генералъ-маіора. По отношенію ко ввѣреннымъ ему нижнимъ чинамъ С. представлялъ довольно рѣдкое исключеніе изъ общаго правила своей эпохи. Онъ не только не стремился сдѣлать еще болѣе суровымъ и безъ того тяжелый солдатскій режимъ, но и самъ относился и офицерамъ полка вмѣнялъ въ обязанность относиться къ солдату мягко и человѣчно, безъ лишнихъ строгостей, а тѣмъ болѣе жестокостей. Съ другой стороны онъ обращалъ серьезное вниманіе на матеріальное довольствіе солдата и чрезвычайно ревниво слѣдилъ за тѣмъ, чтобы отпускаемые на этотъ предметъ средства цѣликомъ шли по назначенію. 15 января 1842 г. С. былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 3-й гренадерской дивизіи и въ этой должности состоялъ до 18 августа слѣдующаго года, когда былъ отчисленъ въ свиту Его Величества. Въ 1848 г. король Сардинскій пожаловалъ его, какъ старшаго въ родѣ Суворовыхъ, орденомъ Благовѣщенія съ цѣлью и звѣздой, принадлежащимъ ему согласно диплому, выданному королемъ его знаменитому дѣду. 25 іюня 1846 г. С. былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ, а 26 ноября 1847 г. удостоенъ ордена св. Георгія 4-го класса за 25-лѣтнюю службу.

Около этого времени въ Костромѣ, по случаю бывшихъ тамъ грандіозныхъ пожаровъ, среди низшихъ слоевъ населенія возникли значительныя волненія, которыя вследствие неумѣлыхъ и неудачныхъ дѣйствій и распоряженій властей стали обостряться и грозили принять бурныя формы. Съ цѣлью успокоить разгорѣвшіяся страсти туда былъ командированъ С. Вопреки установившемуся порядку въ такихъ случаяхъ, онъ не только не пошелъ путемъ репрессій, а дѣйствовалъ исключительно мѣрами мягкости, благоразумія и убѣжденія—въ особенности замѣчательнымъ умѣніемъ говорить съ простолюдиномъ,—и въ самое короткое время достигъ полного успѣха. Этотъ пробный камень административныхъ способностей С. привелъ Императора Николая I къ убѣжденію, что онъ является вполне подходящимъ лицомъ для успокоенія броженія въ другомъ пунктѣ обширной имперіи,—Прибалтійскомъ краѣ. 1 января 1848 г. С. былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерній и военнымъ губернаторомъ Риги. Управлять Прибалтійскимъ краемъ вообще, а въ этомъ историческій моментъ въ особенности было дѣломъ чрезвычайно нелегкимъ. И безъ того ненормальныя взаимоотношенія различныхъ слоевъ населенія усложнялись еще свирѣпствовавшей въ это время въ краѣ холерной эпидеміей. Последняя вызвала паническое бѣгство изъ очаговъ заразы—городовъ, особенно изъ Митавы. Понадобилось личное мужество С., безстрашно обходящаго больныхъ, чтобы въ этомъ отношеніи умѣрить панику, нѣсколько успокоить оставшихся и пріохотить къ возвращенію разбѣжавшихся жителей, которые вскорѣ постепенно стали возвращаться въ города и даже оказывать содѣйствіе властямъ въ борьбѣ съ эпидеміей. Однако была и болѣе серьезная сторона въ положеніи Прибалтійскаго края. Предшествовавшіе неурожайные годы и ненормальныя земельныя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ привели послѣднихъ, по выраженію одной газеты, «къ молчаливому, но грозному протесту», угрожавшему разразиться вспышкой. Та же газета говоритъ, что «спокойствіе края и по этому вопросу было водворено такими мѣрами, которыя соответствовали требованіямъ времени и вполне гармонизировали съ гуманными взгля-

дами генералъ-губернатора и тѣмъ оттѣнкомъ его характера, который сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ могли бы одѣлать въ самыя рѣшительныя минуты какія бы то ни были крутыя мѣры»...

Внутреннее состояніе Прибалтійскаго края было крайне сложнымъ: параллельное существованіе трехъ національностей—нѣмецкой, латышской и эстонской, рѣзко разобщенные земельная аристократія и безземельный пролетаріатъ, противоположность интересовъ этихъ группъ, сохранившейся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти средневѣковій феодализмъ, всѣ экономическія и общественныя преимущества на сторонѣ нѣмецкой національности, а невыгоды земельныхъ отношеній на сторонѣ остальныхъ двухъ народностей, законъ писанный и право обычное, наконецъ, сосуществованіе и взаимное переплетеніе нѣкоторыхъ старыхъ, отжившихъ формъ съ новыми,—все это въ высшей степени усложняло управленіе края. Если къ этому прибавить еще стремленія, исходившія какъ отъ свѣтской, такъ и отъ духовной русскихъ властей, обрусить обитавшія въ краѣ національности безъ различія, то запутанность положенія станетъ еще очевиднѣе. Для лица, стоявшаго во главѣ мѣстной администраціи, возможны были, по выраженію Ю. Самарина, три пути—путь репрессій, путь всяческихъ уступокъ или же путь примиренія національностей между собою и ихъ съ центральнымъ правительствомъ. Последнимъ путемъ и пытался идти С., хотя держался на немъ далеко не всегда устойчиво, склоняясь къ покровительству и безъ того сильной нѣмецкой національности въ ущербъ остальнымъ. Уже въ первые годы своего управленія онъ заявилъ себя полнымъ противникомъ системы своего предшественника, Е. А. Головина и, наоборотъ, горячимъ сторонникомъ сохраненія балтійскихъ привилегій, которыми пользовалась преимущественно нѣмецкая народность,—и въ этомъ смыслѣ высказался въ первомъ же своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ. Это обстоятельство вызвало противъ него бурю нападокъ, часто справедливыхъ, со стороны печати и нѣкоторыхъ лицъ администраціи края.

На этой именно почвѣ между С. и мѣстнымъ епископомъ Филаретомъ возникла дѣловая переписка, съ виду корректная, по существу же рѣзкая, въ результатѣ ко-

торой епископъ былъ перемѣщенъ въ Харьковъ, а одинъ изъ его сторонниковъ, протоіерей Назаревскій, который въ домовой архіерейской церкви произнесъ направленную противъ С. громовую проповѣдь, попалъ въ монастырь. Пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ государя, С. сталъ умѣрять практическое примѣненіе введенныхъ до него мѣръ, главнымъ образомъ принужденіе къ переходу въ православіе и необходимость крестить дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ по обрядамъ православной церкви. По послѣднему вопросу онъ вскорѣ представилъ всеподданнѣйшее ходатайство объ отмѣнѣ стѣснительнаго указа отъ 1850 г. и о разрѣшеніи крестить дѣтей въ ту или другую вѣру по желанію родителей. Въ Петербургѣ это ходатайство встрѣтило сильныхъ противниковъ среди высшаго духовенства. Была назначена особая коммиссія, которая склонна была раздѣлить взгляды С. въ данномъ отношеніи, но представленныя на Высочайшее воззрѣніе труды ея не получили дальнѣйшаго хода. Высочайшее повелѣніе въ утвердительномъ смыслѣ состоялось лишь 15 марта 1861 г., когда С. уже оставилъ постъ генералъ-губернатора.

Болѣе успѣшны были ходатайства С. по вопросу о языкѣ, на которомъ должно вестись дѣлопроизводство въ мѣстныхъ административныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Въ центральныхъ правительственныхъ кругахъ существовало твердое намѣреніе во всемъ дѣлопроизводствѣ мѣстныхъ учреждений, въ ихъ перепискѣ съ петербургскими и губернскими властями, даже въ ихъ перепискѣ между собою и въ собственныхъ дѣлахъ совершенно устранять языкъ нѣмецкій и замѣнить его русскимъ. Сторонникъ обратнаго взгляда, С. однако не надѣялся отстоять его цѣликомъ и пошелъ на компромиссъ: онъ настаивалъ на временномъ сохраненіи status quo, а для будущаго времени—на введеніи этой мѣры не сразу, а постепенно, параллельно съ подготовкой соответственнаго кадра чиновниковъ, вполнѣ владѣющихъ русскимъ языкомъ. Его усилія въ этомъ смыслѣ и рядъ всеподданнѣйшихъ обстоятельныхъ донесеній имѣли результатомъ отсрочку введенія предполагаемой мѣры до 1 января 1858 г. По восшествіи же на престолъ Императора Але-

ксандра II, когда въ правительственныхъ сферахъ тенденціи значительно измѣнились, С. уже безъ особаго труда добился и дальнѣйшей отсрочки.

Мѣропріятія С. какъ генералъ-губернатора Прибалтійскаго края создали ему широкую популярность въ средѣ мѣстнаго нѣмецкаго населенія, тѣмъ болѣе, что «если ему не суждено было залечить раны, нанесенныя краю за предшествующія 7 лѣтъ (при Головинѣ), то это было не отъ недостатка доброй воли съ его стороны»,—по выраженію одной изъ мѣстныхъ нѣмецкихъ газетъ. Но эти же мѣропріятія создали ему и рѣшительныхъ противниковъ, которые обвиняли его въ покровительствѣ нѣмецкому элементу во вредъ русскому, въ пристрастіи къ лютеранству, въ индифферентизмѣ къ православію и пр., на что С. обычно отвѣчалъ, что единственной его цѣлью было устранить недоброжелательность нѣмцевъ къ Россіи,—что должно было явиться естественнымъ слѣдствіемъ исключительныхъ законовъ,—и не дать лишнихъ поводовъ «для бросанія пламенныхъ взоровъ на сосѣднюю державу». Слѣдуетъ отмѣтить еще нѣкоторыя мѣропріятія С., касавшіяся исключительно Ряги. Онъ много содѣйствовалъ улучшенію порта, при немъ была построена дамба, получившая большое значеніе для гавани, наконецъ, по его распоряженію, были снесены ненужныя крѣпостныя стѣны, мѣшавшія правильному развитію города.

Въ 1854 г. С. былъ назначенъ командующимъ войсками Рижской губерніи и въ слѣдующемъ году находился на Магнусовской батарее, при устьѣ Двины, во время бомбардировки ея англійскими судами, когда наши орудія по ихъ малокалиберности и недалёкобойности не могли даже отвѣчать непріятелю. 23 февраля 1855 г. онъ получилъ командованіе надъ Балтійскимъ корпусомъ и войсками еще Митавской губерніи. Въ этихъ званіяхъ онъ, оставаясь генералъ-губернаторомъ края, долженъ былъ въ то же время слѣдить за исправнымъ состояніемъ боевой готовности войскъ и отражать нападенія, предпринимаемыя непріятелемъ въ теченіе севастопольской войны на берега Балтійскаго моря. Кстати замѣтить, что вообще довольно равнодушное къ успѣхамъ русскаго оружія и таготѣвшее къ Германіи

прибалтійское дворянство и кучечество—при С., съ возникновеніемъ войны 1854—1855 гг., сдѣлало значительныя пожертвованія на нужды русской арміи и построило значительный обозъ; специально же Рига преподнесла въ даръ 12 канонерокъ, которыя хотя и «двигались въ водѣ какъ черепахи», все же приняли бой съ англійскимъ адмиральскимъ кораблемъ, нанесли даже ему подводныя поврежденія и принудили его удалиться. Въ январѣ 1859 г. С. получилъ Высочайшую благодарность за управленіе краемъ, былъ произведенъ въ генералъ-отъ-инфантеріи и чинъ назначенъ шефомъ Рижскаго пѣхотнаго полка.

Генералъ-губернаторомъ Прибалтійскаго края С. состоялъ въ теченіе 14 лѣтъ, до 23 апрѣля 1861 г., когда былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а вслѣдъ затѣмъ, именно 18 октября 1861 г., с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ. Въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ по этому поводу на имя С., о его предшествующей дѣятельности между прочимъ говорится: «Наше всегдашнее желаніе, чтобы правящіе и управляемые соединялись узами взаимной привязанности и взаимнаго довѣрія, вами вполне было понято и исполнено». За ту же дѣятельность онъ былъ удостоенъ ордена св. Владиміра 1-й степени.

Постъ генералъ-губернатора въ Петербургѣ былъ мало опредѣлившимся по существу, включалъ въ себѣ нѣкоторые политическіе элементы и пріобрѣталъ важность и значеніе всецѣло отъ личности того, кто его занималъ. С. явился на эту должность съ репутаціей опытнаго администратора, мнѣнія о дѣятельности котораго расходились: одни видѣли въ немъ гуманнаго правителя, другіе обвиняли его въ излишней снисходительности, даже попустительствѣ.

Начало 60-хъ годовъ, какъ всякая переходная эпоха, сопровождалось броженіемъ общественной мысли, характеризовалось повышенной чувствительностью общества къ устарѣвшимъ, но еще не отмѣненнымъ юридическимъ нормамъ. С. былъ несомнѣннымъ сторонникомъ новыхъ начинаній; облеченный чрезвычайными полномочіями, онъ всѣми силами стремился къ политикѣ примиренія; какъ администра-

торъ, стоя на почвѣ хотя бы отжившихъ, но все же еще не отмѣненныхъ законовъ, онъ не только не увеличивалъ ихъ строгости, но всячески старался умѣрить, ослабить ихъ практическое примѣненіе. Въ особенности старался онъ, поскольку это отъ него зависѣло, сгладить рѣзкіе приемы другихъ административныхъ властей; когда въ Петербургѣ въ 1861 г. произошли студенческія волненія, 500 человекъ былъ арестовано и 200 изъ нихъ предписано было въ теченіе 24 часовъ оставить столицу, С. своею властью фактически отмѣнилъ это постановленіе, взявъ 50 человекъ лично на поруки и расписавъ остальныхъ съ тою же цѣлью на своихъ подчиненныхъ и знакомыхъ; когда же университетъ былъ закрытъ, онъ оказалъ значительное содѣйствіе открытію «вольнаго университета» и глубоко сожалѣлъ, что это учрежденіе, послѣ недолгаго существованія, было закрыто. Въ 1862 г. въ Петербургѣ начался рядъ грандіозныхъ пожаровъ; общество охватила паника; произведены были многочисленныя аресты и обыски, въ особенности среди учащейся молодежи, которой почему-то приписывали вину въ поджогахъ. Въ это время С. представлялъ одно изъ немногихъ среди администраціи лицъ, всецѣло отвергавшихъ такое обвиненіе противъ молодежи. При этихъ условіяхъ ему пришлось потратить не мало труда, усилій и энергіи, чтобы сгладить суровую политику III отдѣленія. За все время своего генералъ-губернаторства С. не подписалъ ни одной смертной казни. Онъ глубоко сожалѣлъ, когда во внутренней политикѣ сталъ замѣчаться поворотъ назадъ. Слѣдуетъ отмѣтить еще, что онъ оказалъ значительное содѣйствіе постройкѣ на мѣсто сгорѣвшаго Апраксина Двора новаго зданія и много трудился по возвышенію Галерной гавани; въ первомъ одна линія, а во второй одинъ кварталъ были названы его именемъ. Дѣятельность С. въ Петербургѣ создала ему значительную популярность среди населенія, въ особенности среди студенческой молодежи, но вмѣстѣ съ тѣмъ она пріобрѣла ему видныхъ противниковъ въ средѣ высшей администраціи. Когда 4 апрѣля 1866 г. было совершено одно изъ ряда послѣдовавшихъ затѣмъ покушеній, это явилось лишь формальнымъ поводомъ для упрека С. въ нераспоряди-

тельности; постъ генераль-губернатора былъ упраздненъ, и С. получилъ новое назначеніе—генераль-инспекторомъ всей пѣхоты и въ этой должности пробылъ до самой смерти.

С. былъ кавалеромъ всѣхъ орденовъ русскихъ и очень многихъ иностранныхъ, въ томъ числѣ въ 1863 г. былъ удостоенъ ордена Андрея Первозваннаго. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ своей дѣятельности онъ принималъ видное участіе въ комиссіи по пересмотру военно-судебнаго устава, былъ президентомъ вольно-экономическаго общества, председателемъ попечительскаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія, почетнымъ членомъ Демидовскаго дома трудящихся, почетнымъ членомъ академіи наукъ, дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго человеколюбиваго общества, председателемъ Россійскаго общества покровительства животныхъ и пр.; затѣмъ былъ избранъ почетнымъ гражданиномъ городовъ Рыбинска, Тихвина, Новой Ладogi, Боровичей и почетнымъ же мировымъ судьей Петергофскаго и Московскаго уѣздовъ; кромѣ того одно время состоялъ гласнымъ Петербургскаго губернскаго земскаго собранія. У него было богатѣйшее собраніе книгъ, поступившее въ 1884 г. въ Императорскую Публичную библіотеку, и архивъ съ богатыми матеріалами для біографіи генералиссимуса Суворова, часть которыхъ онъ еще при своей жизни опубликовалъ въ «Русской Старинѣ» («А. В. Суворовъ, письма его къ роднымъ и къ знакомымъ, 1791—1792 гг.»—1872 г., т. VI, стр. 406—426).

„Русскій Инвалидъ“, 1876 г., № 1 и 1882 г., № 28.—Томашевскій, „О генераль-губернаторѣ Суворовѣ“, „Голосъ“, 1866 г., № 132.—„Юбилей кн. А. А. Суворова“, тамъ же, 1875 г., № 360.—„Кн. А. А. Суворовъ“, „Рижскій Вѣстникъ“, 1876 г., № 2.—„Кн. А. А. Суворовъ“, „Нива“, 1876 г., № 6.—„Генер.-ад., кн. Италійскій, гр. А. А. Суворовъ“, „Всемирная Иллюстрац.“, 1876 г., № 366.—„Кн. А. А. Суворовъ“, „Иллюстрир. Газета“, 1871 г., № 34.—„50-лѣтній юбилей гр. А. А. Суворова“, Спб., 1876 г.—А. Чумиковъ, „Генераль-губернаторство кн. А. А. Суворова въ Прибалтійскомъ краѣ, —1848—1861 гг.“, „Русскій Архивъ“, 1890 г., № 9; тамъ же „Дополненія“ къ предыдущей статьѣ.—„Архивъ гр. А. А. Суворова-Рымникскаго; 1729—1800 гг.“, „Русск. Старина“, 1872 г., т. 6, № 10.—„Кн. А. А. Суворовъ и гр. Муравьевъ“, тамъ же, 1898 г., ноябрь, стр. 293—295.—„Князь А. А. Суворовъ, черты изъ его жизни“, сообщилъ А. Н. Веригинъ и проф. И. Е. Андреевскій, тамъ же, 1882 г., мартъ, стр. 828—838; апрѣль, стр. 525—542.—„Русскій

календарь Суворина“ за 1883 г., с. 279.—„Лейбъ-гвардіи Конный полкъ 14 декабря 1825 г.“, „Русск. Стар.“, 1881 г., т. XXX, стр. 205—210.—„Черта къ характеристикѣ Императора Николая I изъ турецкой кампаніи 1828 г.“, тамъ же, 1871 г., т. III, стр. 61—63.—Некрологи Суворова почти во всѣхъ газетахъ за 1882 г.: „Голосъ“, № 30; „Новое Время“, отъ 21 февраля; „Нива“, № 5; „Рижскій Вѣстникъ“, № 30 и др.—„Энциклопед. словарь“ Брокгауза, полут. 62, s. v.—„Большой энцикл. словарь“, изд. т-ва „Просвѣщеніе“, т. 18, стр. 97.—„Записки кн. Н. С. Голицына“, „Русск. Ст.“, 1880 г., ноябрь, стр. 612.—Ю. Г. Богуславскій, „Замѣтки и рассказы“, тамъ же, 1879 г., т. XXVI.—„Два врага. Отрывки изъ воспоминаній В. М. Сикевича“, „Истор. Вѣстн.“, 1882 г., т. X, стр. 422 и дал.—И. И. Орловъ, „Кн. А. А. Суворовъ и русское инородное купечество въ Ригѣ“, тамъ же, 1885 г., № 2, стр. 341 и дал.—В. В. Григорьевъ, „Императ. Спб. университетъ за первыя 50 лѣтъ его существованія“, Спб., 1870 г.—В. Д. Спасовичъ, „50-лѣтіе С.-Петербургскаго университета“ (въ сборникѣ его „За много лѣтъ“, Спб., 1872 г.).—С. В. Рождественскій, „Историческій обзоръ дѣятельности министерства народн. просвѣщенія“, Спб., 1902 г., стр. 324, 474, 524.—„Rigascher Almanach für 1859“, стр. 1—18 (съ портр.).—Кн. П. Долгоруковъ, „Русская родословная книга“, ч. 2, стр. 66.

Суворовъ, Александръ Васильевичъ, князь Италійскій, графъ Рымникскій, генералиссимусъ Россійскихъ войскъ, фельд-маршалъ австрійской арміи, великій маршалъ войскъ пьемонтскихъ, графъ Священной Римской имперіи, наслѣдственный принцъ Сардинскаго королевскаго дома, грандъ короны и кузень короля Сардинскаго, кавалеръ всѣхъ русскихъ и многихъ иностранныхъ орденовъ, — родился 13 ноября 1730 г. въ г. Москвѣ, въ приходѣ церкви св. Θεодора Студита, у Никитскихъ воротъ.

Отецъ его, Василій Ивановичъ, бывшій въ то время въ чинѣ подпоручика, — безъ связей, безъ громкаго имени, — не рассчитывалъ на блестящее будущее ни для себя, ни для сына; всецѣло поглощенный службой и хозяйственными дѣлами, онъ не могъ удѣлять много времени сыну, тратить же на учителей и воспитателей, по скупости своей, не хотѣлъ, хотя имѣлъ къ тому возможность по своимъ матеріальнымъ средствамъ (около 300 душъ крестьянъ). Мать С., Авдотья Феодосѣевна (урожденная Манукова) не имѣла, повидимому, никакого вліянія на его воспитаніе.

Нервный, впечатлительный ребенокъ былъ такимъ образомъ въ значительной мѣрѣ предоставленъ самому себѣ. О систе-

матическихъ занятіяхъ при этихъ условіяхъ, конечно, не могло быть и рѣчи. Даже русскую грамоту С. усвоилъ лишь настолько, насколько это было необходимо для свободнаго чтенія, ставшаго съ самаго ранняго возраста его любимымъ занятіемъ. Читалъ онъ жадно, безъ разбора, безъ системы и руководства, все чаще удаляясь отъ сверстниковъ, предпочитая ихъ шумнымъ играмъ—чтеніе, тѣсному мірку дѣтской дѣйствительности—широкій міръ грёзъ, который открывали ему страницы его любимыхъ книгъ. Образы великихъ людей, ихъ бурная, полная величія и трудовъ жизнь, слава подвиговъ неострашимо дѣйствовали на богатое воображеніе мальчика. Рѣдкій человѣкъ въ раннемъ дѣтствѣ не мечталъ о славѣ; но у С., благодаря особенностямъ его щедро одаренной натуры и, прежде всего, уже сказывавшимся зачаткамъ несокрушимой впоследствии силы воли, мечты эти пріобрѣтаютъ особую настойчивый характеръ. Врядъ ли представлялось С. яснымъ въ тѣ дни, какой путь поведетъ его къ славѣ. Кромѣ анекдотическихъ разсказовъ, ничто не говоритъ намъ, что военное поприще уже тогда приковывало всѣ его мысли. Не говорятъ объ этомъ и годы его молодости.

Отчужденность мальчика бросалась въ глаза: сверстники смѣялись надъ нимъ, отецъ сердился на «странности», грозилъ, но кончилъ тѣмъ, что махнулъ на него рукой.

Василій Ивановичъ предназначалъ сына въ гражданскую службу, но на одиннадцатомъ году жизни мальчика измѣнилъ свое рѣшеніе и записалъ его въ Семеновскій полкъ. Виновикомъ этой перемѣны принято считать генерала Ганнибала, знаменитаго «Арапа Петра Великаго», посѣтившаго въ этомъ году Суворова-отца и будто бы провидѣвшаго въ хиломъ и тщедушномъ на видъ мальчикѣ будущаго великаго полководца.

С. приходилось начинать службу въ условіяхъ неблагоприятныхъ. Отецъ его не воспользовался своевременно правомъ, предоставленнымъ дворянамъ записать сына сейчасъ же послѣ рожденія въ гвардейскій полкъ солдатомъ, что давало возможность къ юношескому возрасту уже «дослужиться» до офицера и въ этомъ званіи вступить на дѣйствительную службу. Поздняя запись лишала С. этого преимущества: ему предстояло добыть офицерскій патентъ солдатской службой.

22 октября 1742 г. С., въ числѣ другихъ недорослей изъ дворянъ, былъ «записанъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ въ солдаты сверхъ комплекта безъ жалованія» и по силѣ указа Анны Іоанновны отъ 16 декабря 1736 г. уволенъ къ отцу на два года для обученія «указнымъ наукамъ». По ходатайству отца срокъ этотъ былъ продленъ по 1 января 1747 г., а затѣмъ и до 1 января 1748 г. За это время (25 апрѣля 1747 г.) С. былъ произведенъ въ капралы, попрежнему сверхъ комплекта, безъ жалованья.

Программа «указныхъ наукъ» была довольно обширна: «арифметика, геометрія, тригонометрія, планы геометріи, фортификація, часть инженеріи и артиллеріи, изъ иностранныхъ языковъ, также военной экзерциціи и пр.». Но выполненія ея отнюдь не требовалось: подготовка обычно ограничивалась пріобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній по одному—двумъ указаннымъ въ программѣ предметамъ. С. имѣлъ возможность выдѣлиться изъ общаго правила. Отецъ могъ дать ему нѣкоторыя познанія по артиллеріи, и особенно по фортификаціи, въ которой былъ свѣдущъ, дать кое-какое понятіе о математическихъ наукахъ и «экзерциціяхъ»... Съ иностранными языками С. ознакомился еще раньше. Въ общемъ же годы послѣ записи въ солдаты по характеру занятій и времяпрепровожденію молодого С. врядъ ли существенно отличались отъ предшествовавшихъ.

1 января 1748 г. С. прибылъ въ полкъ и былъ прикомандированъ къ 3-й ротѣ.

Положеніе тогдашнихъ гвардейцевъ-солдатъ изъ дворянъ и въ полку, и въ обществѣ мало чѣмъ отличалось отъ офицерскаго. «Солдатская лямка» оказалась для С. не тяжелой, тѣмъ болѣе, что въ годъ его поступленія въ полкъ Семеновцы были заняты обстраиваніемъ Семеновской слободы: ученій было мало, а отъ работъ С., какъ дворянинъ, былъ избавленъ.

Въ полку С. видимо былъ на хорошемъ счету: онъ довольно быстро обогналъ своихъ сверстниковъ по поступленію. 22 декабря 1749 г. онъ былъ произведенъ въ подпрапорщики, 8 іюня 1751 г. въ сержанты. Въотъ съ тѣмъ ни одна командировка, болѣе или менѣе почетная, не миновала его, вызывая частые переводы изъ одной роты въ другую. Такъ, 7 мая

1748 г. С. командированъ въ составъ сводной команды Преображенскаго и Семеновскаго полковъ въ Кронштадтъ для «провожданія» корабля «Захарій и Елисаветъ», состоявшагося въ Высочайшемъ присутствіи при весьма торжественной обстановкѣ; 16 февраля 1749 г. откомандированъ въ составъ «Московской команды» полка, отправленной въ первопрестольную по случаю «шествія» туда Императрицы Елизаветы; въ Петербургъ 9 апрѣля того же года онъ былъ назначенъ безсмысленнымъ ординарцемъ майора и кавалера Никиты Ѳедоровича Соковнина, одного изъ «господъ полковыхъ штаповъ», пользовавшагося большимъ вліяніемъ въ полку; 5 марта 1752 г. былъ командированъ съ депешами въ Берлинъ и Вѣну; вернувшись, въ послѣднихъ числахъ октября, онъ отбылъ почти тотчасъ же съ 1-мъ баталіономъ въ Москву по случаю новаго «шествія» туда Императрицы и оставался тамъ до самаго производства въ офицеры.

Мало привлекательнаго могла представить С. служба этихъ лѣтъ, сводившаяся къ карауламъ и рѣдкимъ строевымъ учениямъ, лишеннымъ къ тому же всякаго боевого характера: «метанія ружьемъ», хитрыя построения, церемоніальный маршъ. Не удивительно поэтому, что особаго рвенія къ службѣ онъ не проявлялъ. Рѣзко выдѣляясь среди сотоварищей своимъ замѣнутымъ, скромнымъ образомъ жизни, своими уединенными занятіями, онъ пользовался, однако, всѣми привилегіями солдата-дворянина: жилъ не въ казармахъ, а на квартирѣ дяди, капитана Преображенскаго полка; имѣлъ при себѣ дворовыхъ; при передвиженіяхъ полка, какъ, напр., при командировкѣ въ Москву, совершалъ ихъ не съ полкомъ, походнымъ порядкомъ, а отдѣльно, на перекладныхъ. Въ Москвѣ, во время первой командировки, онъ устроился чуть не на постоянное дежурство въ «Генеральной Сухопутной гофшпитали», не смѣняясь, вопреки правиламъ, по двѣ и больше недѣль, а въ послѣднее дежурство—даже 8 недѣль. Дежурства эти, при тяжелой караульной службѣ, которую несъ полкъ въ Москвѣ, являлись отдыхомъ. Во вторую же московскую командировку С. значится въ приказѣ по полку въ числѣ провинившихся: оказался больнымъ, чтобы избѣжать наряда. Характерно также, что С.

воспользовался своимъ правомъ (какъ дворянинъ) обойти хозяйственныя должности баггенармуса и фурьера; очевидно, въ С.-солдатъ не было еще того стремленія къ близости къ солдату, проникновенію въ его бытъ, которымъ отмѣченъ С.-фельдмаршалъ, иначе онъ не отказался бы отъ должностей, дающихъ такую широкую возможность много видѣть, много узнать въ области солдатскаго обихода.

Производство въ офицеры было нѣсколько задержано общимъ застоємъ въ производствѣ: иные солдаты изъ дворянъ по 11 лѣтъ дожидались офицерскаго патента. С. былъ выпущенъ 25 апрѣля 1754 г.—въ полевые полки поручикомъ. 3 мая его производство отдано было въ приказѣ по московской командѣ, а 10 мая того же года опредѣленіемъ военной коллегіи С. былъ назначенъ въ Ингерманландскій пѣхотный полкъ.

Въ полку онъ пребылъ два года, но служилъ мало. Большую часть времени онъ проводилъ у отца, принимая живѣйшее участіе въ его хозяйственныхъ дѣлахъ. По прежнему удѣляя много времени на чтеніе, С. не только внимательно слѣдилъ за литературой, но и самъ пытался писать. Въ собраніяхъ Общества Любителей Русской Словесности (при Шляхетномъ корпусѣ), которыя онъ усердно посѣщалъ при своихъ наѣздахъ въ Петербургъ, онъ дважды выступалъ даже въ качествѣ чтеца своихъ произведеній, составленныхъ въ излюбленной въ то время формѣ—разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ. Диалоги эти: Кортца съ Монтезумой и Александра съ Геростратомъ, были въ 1756 г. напечатаны въ журналѣ «Ежемѣсячныя Сочиненія», издававшемся академіей наукъ, подъ инициалами А. С., давшими поводъ впоследствии приписывать ихъ Сумарокову; они крайне бѣдны мыслями, банальны и совершенно не литературны, что вполнѣ понятно, такъ какъ С. не только писалъ, но и говорилъ очень неправильно. Во второмъ изъ этихъ «разговоровъ» С. старается разъяснить различіе между стремленіемъ къ славѣ и жадной извѣстности. Выборъ темы и трактовка ея представляютъ несомнѣнный интересъ именно какъ попытка оформить, оправдать, придать высшій смыслъ тому стремленію, которое чувствовалъ въ себѣ С. съ самыхъ юныхъ лѣтъ.

17 января 1756 г. С. былъ назначенъ оберъ-провіантмейстеромъ въ Новгородъ; 28 октября того же года—генераль-аудиторъ-лейтенантомъ съ состояніемъ при военной коллегіи; 4 декабря переименованъ въ премьеръ-маіоры. Переходъ со строевой службы на хозяйственную нетрудно объяснить вліяніемъ отца, имѣвшего къ тому же крупныя связи въ интендантствѣ, гдѣ и самъ онъ въ то время занималъ уже видный постъ.

Въ началѣ Семилѣтней войны, въ 1757 г. С. былъ командированъ въ распоряженіе маіора Гротенгейльма, завѣдывавшаго этапнымъ пунктомъ Курляндіи (Лябава), и вѣдалъ сплавомъ провіанта къ Мемелю, а по занятіи Мемеля назначенъ туда оберъ-провіантмейстеромъ. При движеніи Фермора на соединеніе съ главной арміей, С. поручено было организовать доставку ему провіанта «сплавомъ», но, «по неспособности рѣки», наладить это дѣло не удалось. Въ 1758 г. С. былъ при формированіи третьихъ баталіоновъ въ Лифляндіи и Курляндіи. Произведенный (въ маѣ того же года) въ подполковники, съ переводомъ въ Казанскій пѣхотный полкъ, онъ привелъ въ Пруссію 17 вновь сформированныхъ баталіоновъ и временно остался при арміи, безъ опредѣленнаго назначенія. Въ корпусѣ князя М. Н. Волконскаго былъ при занятіи Кроссена въ Силезіи; въ августѣ 1759 г. былъ очевидцемъ Куннерсдорфскаго боя. 31 декабря 1759 г. Высочайшимъ приказомъ, по представленію генерала крисъ-коммисара кн. Шаховскаго, С. былъ назначенъ «къ правленію оберъ-кригс-коммисарской должности».

Но боевое призваніе С., которое не могла пробудить караульная служба въ столицахъ, парады и экзерциціи, сказалося сразу, когда онъ попалъ въ боевую обстановку. Обязанности интенданта уже не могли удовлетворить его. Уступая настоячивымъ просьбамъ сына, отецъ С. въ февралѣ 1760 г. подалъ челобитную въ Конференцію при Дворѣ Ея Величества о переводѣ сына въ полевые войска, такъ какъ онъ «по молодымъ лѣтамъ желаніе и ревность имѣетъ еще далѣе въ воинскихъ операціяхъ практиковаться». Василий Ивановичъ былъ уже въ то время лицомъ виднымъ — главнымъ полевымъ интендантомъ: просьба его не только бы-

ла уважена, но С. оставленъ былъ въ дѣйствующей арміи на генеральской должности—«генеральнаго и дивизіоннаго дежурнаго» при Ферморѣ.

Въ 1761 г., по просьбѣ генерала Берга, командира легкаго кавалерійскаго корпуса, С. былъ назначенъ въ его отрядъ, для исполненія обязанностей начальника штаба, и, подъ личнымъ руководствомъ Берга, въ безпрестанныхъ налетахъ и стычкахъ, прошелъ первую свою боевую школу. Цѣлый рядъ дѣлъ отмѣченъ ближайшимъ участіемъ С., имя котораго вскорѣ стало извѣстно въ арміи какъ лихого партизана, «быстраго при рекогносцировкѣ, отважнаго въ бою, хладнокровнаго въ опасности» (отзывъ Берга). «Былъ подъ Бригомъ,—пишетъ С. въ своей автобіографіи,—при сраженіи Бреславскомъ съ генераломъ Кноблохомъ, и разныхъ шармиделяхъ, на сраженіи близъ Стригау, при Гроссѣ и Клейнѣ-Вандрисѣ, гдѣ проводилъ крыломъ, и двѣ тысячи россійскаго войска четыре шлезскихъ мили противоборствовали арміи подъ королемъ Пруссіи цѣлый день, а къ ночи сбили ихъ форпосты и одержали мѣсто своими; на другой день сими войсками чинено было сильное нападеніе на лѣвое прусское крыло противъ монастыря Вальштатъ... Приближаясь къ Швейдницу и окопу тамо Прусскаго короля, атаковалъ въ деревнѣ N прусскую заставу съ малымъ числомъ казаковъ, и за нею на высотѣ сильный прусскій пикетъ, которымъ мѣстомъ, по троекратномъ нападеніи, овладѣлъ и держалъ оное нѣсколько часовъ, доколѣ отъ генерала Берха прислано было два полка казачьихъ, которые стоящихъ близъ подошвы высоты прусскихъ два полка гусарскихъ, съ подкрѣпленіемъ двухъ полковъ драгунскихъ, сбили съ мѣста въ лагерь; отсюда весь прусской лагерь былъ вскрытъ, и тутъ утверждена легкаго корпуса главная квартира, соединеніемъ форпостовъ вправо къ россійской, влево къ австрійской арміямъ; происходили потомъ здѣсь непрестанныя шармицели, и среди разныхъ примѣчательныхъ, единожды подъ королевскими шатрами разбиты были драгунскіе полки, при моемъ нахожденіи, Финкенштейновъ и Голштейнъ, гусарскіе Лосовъ и Малаховскій, съ великимъ ихъ урономъ. Когда генералъ Платенъ пошелъ черезъ Польшу къ Кольбер-

гу, легкій корпусъ вскорѣ послѣдовалъ за нимъ; достигли оный, часто съ нимъ сражался съ фланговъ, и при Костянахъ напалъ на его лагерь съвозъ дѣсь, сзади, ночью, причинилъ знатный уронъ, принудилъ къ маршу и разбилъ бы корпусъ, если бы конные регулярные полки въ свое время подошли. Я былъ впереди при всемъ происшествіи... Слѣдуя противъ Ландсберга, взялъ я съ собою слабый въ стѣ коняхъ Туровѣрова казачій полкъ, переплыли черезъ Непцу, и въ той же ночи шесть миль отъ Дризена поспѣли къ Ландсбергу противнымъ берегомъ Варты; немедля чрезъ ровъ вломились въ городовыя ворота, и передовыми казаками сурпренированы и плѣнены двѣ прусскія команды съ ихъ офицерами; потомъ, съ помощью обывателей, сожжены Ландсбергской большою мостъ; прибывшее противное войско (корпусъ Платена) на другомъ берегу остановилось, но за нескорымъ прибытіемъ нашего легкаго корпуса, переправилось потомъ на понтонахъ, держа свой путь къ Кольбергу. Отряженъ я былъ отъ генерала Берха съ казачьими полками и нѣсколькими гусарскими для подкрѣпленія, встрѣтился съ противнымъ корпусомъ подъ Фридебергомъ: оной, маршируя на высотахъ, отозвался противъ меня всею своею артиллеріею, подъ которою я разбилъ его фланговые эскадроны, и забрано было въ полонъ отъ оныхъ знатное число. Остановлялъ я Платена въ маршѣ елико возможно, доколѣ пришелъ въ черту генерала князя В. М. Долгорукова, который потомъ прежде его прибылъ къ Кольбергу; нашъ легкій корпусъ остановился подъ Старгардомъ. По нѣкоторомъ времени выступилъ оный къ Регенвальду, въ которой сторонѣ было нападеніе на майора подъ Чарли, гдѣ я предводилъ часть легкихъ войскъ: взять сей майоръ съ его деташементомъ въ полонъ. Но какъ г. Курбьеръ съ сильнымъ войскомъ, при нашемъ обратномъ походѣ, спѣшилъ ударить въ нашъ задъ, гдѣ я обрѣтался, принужденъ я былъ его передовые пять эскадроновъ съ пушками брускировать съ имѣющимися у меня въ виду меньше ста гусаръ и казаковъ, которыми дѣйствительно сіи эскадроны опровержены были и оставили намъ много плѣнныхъ; успѣхъ отъ того былъ, что Курбьеръ ретировался. Подъ Новгартеномъ

предводя одну колонну легкаго корпуса.... съ Тверскимъ драгунскимъ полкомъ врубился въ пѣхоту и сбилъ драгунъ; уронъ прусской въ убитыхъ и плѣнныхъ былъ великъ; взята часть артиллеріи, подо мной разстрѣяна лошадь и другая ранена». При движеніи «знатной части прусскаго войска отъ Кольберга къ Штетину... близъ Регенвальда въ бою съ прусскимъ авангардомъ съ четырьмя эскадронами конныхъ гренадеръ атаковалъ пѣхоту на палашахъ... весь сей сильный авангардъ... взять въ плѣнъ, и его артиллерія досталась въ наши руки. Въ послѣдѣ я попалъ съ ближнимъ легкимъ отрядомъ въ разстояніи малой мили на прусскихъ фуражировъ, подъ самымъ ихъ корпусомъ, гдѣ такожъ сверхъ убитыхъ много взято въ полонъ». «Въ ночи прусской корпусъ сталъ за Гольнау, оставя въ городѣ гарнизонъ; генераль графъ П. П. Панинъ прибылъ къ намъ съ нѣкоторой пѣхотой; я съ однимъ гренадерскимъ баталіономъ атаковалъ ворота, и, по сильномъ сопротивленіи, вломились мы въ калитку, гнали прусской отрядъ штыками черезъ весь городъ, за противные ворота и мостъ, до ихъ лагерь, гдѣ побито и взято было много въ плѣнъ. Я поврежденъ былъ контузій въ ногу и въ грудь картечами, одна лошадь ранена подо мной въ полѣ». Въ августѣ 1761 г. С. былъ назначенъ временно командующимъ Тверскимъ драгунскимъ полкомъ: блестящая дѣятельность полка при преслѣдованіи Бергомъ принца Виртембергскаго окончательно упрочила сложившееся у главнокомандующаго мнѣніе о С. какъ офицерѣ, «который хотя и числится на службѣ пѣхотной, но обладаетъ свѣдѣніями и способностями чисто кавалерійскими» (отзывъ Румянцева). Сдавъ въ ноябрѣ Тверской полкъ, С. принялъ опять-таки во временное командованіе Архангелогородскій драгунскій.

Въ началѣ 1762 г. С. былъ командированъ изъ арміи въ Петербургъ, гдѣ и оставался нѣкоторое время безъ опредѣленнаго назначенія. 26 августа того же года былъ произведенъ въ полковники и получилъ командованіе Астраханскимъ полкомъ, а затѣмъ—6 апрѣля 1763 г.—Суздальскимъ пѣхотнымъ, смѣнившимъ Астраханцевъ на петербургской стоянкѣ. Въ Суздальскомъ полку въ видѣ опыта вве-

дено было обученіе по новому, еще не утвержденному уставу; опытъ далъ прекрасные результаты, благодаря настойчивымъ трудамъ С., и уже осенью того же года на произведенномъ Императрицей смотру полкъ представился блестяще.

Въ 1764 г. полкъ вернулся на свои квартиры, въ Новую Ладогу, и С. открылась возможность, не отрываясь постоянными караулами и нарядами, приступить къ систематической работѣ надъ боевой подготовкой полка.

Опытъ семилѣтней войны не могъ пройти безслѣдно для С. Онъ явился на театръ военныхъ дѣйствій хорошо подготовленнымъ теоретически. Въ штабѣ, при Ферморѣ, гдѣ на его глазахъ двигались главные рычаги механизма арміи, отъ наблюдательнаго и тонкаго ума его не могли ускользнуть отрицательныя стороны тогдашней военной системы и «кабинетной стратегіи»; безсильныя попытки уловить въ схемы и диспозиціи все неумолимое богатство возможности и случайностей, вялость и мудрствованія, непростительная медлительность, губившая всякій успѣхъ въ зародышѣ—нашли у С. достойную оцѣнку. Тѣмъ рѣзче былъ для него контрастъ перехода изъ штаба въ поле, отъ бумаги къ дѣлу, изъ главной квартиры—въ летучій отрядъ, гдѣ расчетъ тактики часто замѣнялся инстинктомъ охотника, логика—смѣлостью. Впечатлѣніе этого перехода было слишкомъ сильно и увлекло С. въ крайность, привела къ полному почти отрицанію всякаго «методизма» и переоцѣнкѣ значенія смѣлости—«натиска». Въ его глазахъ въ то время «натискъ» заслоняетъ «глазомѣръ»: онъ не явился, какъ въ позднѣйшей системѣ С., элементомъ, подчиненнымъ глазомѣру, но самодовлѣющимъ и при томъ главнымъ, первымъ, основнымъ. Это преобладаніе смѣлости надъ глазомѣромъ служитъ характерной особенностью и ближайшаго періода боевой его дѣятельности въ Польшѣ.

Полагая основой успѣха смѣлость—смѣлость полководца, приводящую его къ принятію рѣшенія наиболѣе невозможнаго теоретически («теорія невозможнаго»), и смѣлость солдата, безъ колебаній и страха выполняющаго это рѣшеніе,—С. долженъ былъ, естественно, придавать рѣшающее значеніе нравственному элемен-

ту. Въ его системѣ подготовки войскъ работа надъ душой солдата становится на первое мѣсто. Но для успѣшности ея надо было знать эту солдатскую душу, надо было сродниться съ солдатской массой, понять ее и найти понятныя для нея слова. И С. за годы командованія полкомъ дѣйствительно сумѣлъ сродниться со своими Суздальцами. Проводя все свое время среди нижнихъ чиновъ, будучи, по его собственнымъ словамъ, «маіоромъ, адъютантомъ, до ефрейтора», С. вынесъ изъ опыта этихъ лѣтъ то глубокое знаніе солдата, его психологін, въ которомъ вся тайна его удивительнаго, неотразимаго вліянія на солдатскую массу. Тотъ же боевой опытъ убѣдилъ С. въ полной непригодности широкихъ эволюцій, сложныхъ уставныхъ построеній, красивыхъ на плацу, но не примѣнимыхъ въ полѣ. Безъ сомнѣнія, не сразу далась ему «трудная простота», тайна которой съ такой полнотой вскрыта имъ впоследствии. Занятія не были еще приведены въ систему, не велись по строго опредѣленной программѣ. Въ «суздальскомъ учрежденіи», какъ называлъ С. свой методъ работы надъ полкомъ, не было и признака «устава»; уставъ оставался прежнимъ, но, пользуясь той свободой, которая въ екатерининское время была предоставлена полковымъ командирамъ, С. отбросилъ всѣ уставныя «чудеса», сохранивъ только простѣйшіе и необходимѣйшіе приемы и построенія. Свои ученія, всегда короткія, онъ вынесъ въ поле, въ лѣсъ; переходя съ полкомъ рѣки, маневрируя по ночамъ, въ дождь и бурю, С. стремился показать своимъ людямъ войну до войны, развить въ нихъ способность найтись въ любой обстановкѣ.

Вообще цѣлью воспитанія войскъ С. ставилъ—способность солдата къ подвигу, больше—жажду его. Дѣйствительнымъ къ тому средствомъ считалъ онъ—сознательное отношеніе солдатъ къ происходившимъ событіямъ: онъ вслѣски старался выяснять войскамъ значеніе борьбы, къ участию въ которой они призваны, сдѣлать имъ эту борьбу понятной и потому близкой. Чувствуя общность задачи, Суворовскія войска, отъ солдатъ до высшихъ командировъ, спланивались въ одно несокрушимое цѣлое: развивалась спайка, чувство взаимной выручки, создавалась сила